

в республиканском или свободно-гражданском), и двор тогда имел бы право отказаться обвинять его. Но этим оно могло бы создать таких граждан, создать такую конституцию, которая смогла бы властвовать над ними без насилия.

Перевод Н. Н. Голиковой и Е. А. Голикова.
Публикация Е. А. Голикова.

Е. А. ГОЛИКОВ

К материалам по философии права И. Канта. Послесловие.

В завершенных и опубликованных работах И. Канта тема социальной революции занимает относительно скромное место, а в тех немногих высказываниях о праве народа на сопротивление деспотической власти, путях и формах социально-исторического развития и оценках собственно революционного преобразования общества внимание читателя чаще останавливается на тех высказываниях философа, в которых заключается осуждение революционного пути развития общества. Обычно в качестве доказательства безоговорочно отрицательного отношения Канта к революции ссылаются на нравственно-юридическую аргументацию против революции, развиваемую мыслителем в таких работах, как «О поговорке: «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» или в «Метафизике нравов». Действительно, вопрос о том, был ли Кант, совершивший, по всеобщему признанию, революцию в философии («коперниковский переворот»), в то же время и сторонником социальной революции, не только не имеет простого и однозначного ответа, но и нуждается в известном уточнении. Во-первых, можно спросить, каким было отношение Канта к тем революционным событиям, очевидцем которых ему довелось быть? Во-вторых, в какой степени философ осознавал теоретическую значимость проблемы революции для своей собственной системы? И, наконец, каково *объективно* место проблемы революционного преобразования в социально-политических и философско-исторических взглядах Канта, насколько *логически* необходима данная категория для политико-правового учения кенигсбергского мыслителя? Нередко встречающиеся утверждения о неревolutionности Канта не учитывают ни бесспорно положительного отношения мыслителя к реальным историческим революциям — североамериканской и французской, ни практической и теоретической значимости проблемы революции для социальной философии вообще и для кантовской — в частности. Временами ловишь себя на мысли, что за упорным нежеланием некоторых исследователей видеть в Канте «революционера» скрывается нечто большее, чем просто неумение добраться до сути написанного, а именно отношение к самому феномену.

С известным основанием можно утверждать: если руководствоваться убеждением, что революция — зло, то в социальной философии Канта многого, если не основного, понять невозможно. Именно по этой причине попытки истолкования социально-политических воззрений Канта, предпринимаемые с консервативно-буржуазных позиций, оказываются теоретически беспомощными: никакая эрудиция и прилежание не могут заменить правильного метода. В частности, попытки выдать нравственно-юридическое осуждение Кантом *отдельных* аспектов революции, именно революции *политической*, за антиреволюционность вообще, не учитывают важнейшего, пожалуй, в отношении философа к данной проблеме, того, что «в развитии революционных событий 1789—1794 гг. Кант увидел прежде всего *трагедию незрелого политико-юридического идеализма, крушение недостаточно строго и формально воспринятого «правового идеала»*¹. Иными словами, по мнению автора приведенного высказывания, Э. Ю. Соловьева, Кант осуждает революцию во Франции не за то, что она революция, а за то, что она недоста-

точно радикальная революция. Причем следует помнить, что для Канта мерилом радикальности революционного преобразования является не достижение тех или иных политических целей самих по себе, а решение иных, нравственно-гуманистических проблем прежде всего. Думается, что именно наличие данного положительного, созидательного элемента в основании кантовского критицизма имел в виду Маркс, называя философию Канта немецкой теорией французской революции. Антиподом кантовской социальной философии, по мнению Маркса, выступает «естественное право» Гуго, в котором разложение французского государства «проявляется в виде *распутной фриivolности*, которая... *забавляется зрелищем гниения и распада... Это — загнивание тогдашнего мира, который наслаждается этим своим загниванием*»². Гуго, подчеркивает Маркс, законченный скептик. Для него любое исторически *сущее* приобретает значение *положительного*, что в то же время не дает возможности оценить его как разумное. Что касается философии Канта, то в ней также проявляется разложение старого мира, но это разложение подобно тому, которое происходило в период Национального собрания: оно проявляется как «*освобождение нового духа от старых форм... Это — чувство собственной силы, присущее новой жизни, которая разрушает разрушенное, отвергает отвергнутое*». Если, — заключает Маркс, — поэтому философию Канта можно по справедливости считать *немецкой теорией* французской революции, то *естественное право Гуго* нужно считать *немецкой теорией* французского *ancien régime*»³. Совершенно очевидно, что философия Канта противопоставляется Марксом в данном месте и в данном отношении правовому учению Гуго как революционная теория контрреволюционной.

Марксова характеристика кантовской философии, данная в работе «Философский манифест исторической школы права», имеет принципиальное методологическое значение и для понимания проблемы революции в философии Канта. Сегодня можно считать доказанным, что обоснование позиции мыслителя по данному вопросу должно опираться не только на известные положения из опубликованных при жизни Канта работ, но и на тексты черновиков, рукописей, подготовительных материалов. Настоящая публикация ставит своей целью не столько дать на русском языке полное собрание высказываний Канта о революции, содержащихся в подготовительных материалах к «Метафизике нравов», сколько привлечь внимание исследователей к этим материалам, составляющим значительный раздел XIX тома немецкоязычного собрания сочинений философа.

Перевод фрагментов осуществлен Н. Н. Голиковой и Е. А. Голиковым по изданию: *Kants gesammelte Schriften!* Hrsg. von der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XIX. Berlin und Leipzig, 1934.

¹ Соловьев Э. Ю. Теория «общественного договора» и кантовское моральное обоснование права. — В кн.: Философия Канта и современность. М., 1974, с. 203.

² Маркс К. Философский манифест исторической школы права. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 1, с. 88.

³ Там же.